
УДК 94(470)“1917” + 355.01

Владимир Бабинцев,
Константин Бугров

**«РУССКИЙ ДНЕВНИК» П. ПАСКАЛЯ:
ВОЙНА И РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ ГЛАЗАМИ
ФРАНЦУЗСКОГО ВОЕННОГО СПЕЦИАЛИСТА***

**P. PASCAL'S RUSSIAN DIARY:
WAR AND REVOLUTION IN RUSSIA THROUGH THE EYES
OF A FRENCH MILITARY EXPERT**

Владимир Бабинцев, доцент Уральского федерального университета, хорошо известный многочисленными переводами французских научных трудов на русский язык (включая Жака Ле Гоффа и Эммануэля Ле Руа Ладюри среди прочих), представляет новый перевод. На этот раз речь идет об аутентичном источнике, а не о переводе исследования: первый том «Русского дневника», написанного Пьером Паскалем, членом французской военной миссии в России времен Первой мировой войны. В беседе с Константином Бугровым, научным сотрудником лаборатории эдиционной археографии Уральского федерального университета, Владимир Бабинцев касается различных аспектов дневника Паскаля, первый том которого охватывает 1916 и 1917 годы. Что Пьер Паскаль думал о войне, военной дисциплине и революции? Каков был его интерес к религии и «загадочной русской душе» – загадка, которую он решал в течение 17 лет, пока в 1933 году не покинул Советский Союз ради Франции. Хотя Паскаль стяжал себе во Франции репутацию «левого», первый том его «Дневника» в гораздо большей степени посвящен вопросам религии и национальной идентичности, а Владимир Соловьев упоминается чаще Владимира Ленина. Все эти аспекты, без сомнения, делают работу Паскаля интересной для широкого круга русских читателей.

Ключевые слова: Пьер Паскаль; революция в России; Первая мировая война; Владимир Соловьев; национальная идентичность.

* Статья подготовлена в рамках реализации гранта Правительства РФ по привлечению ведущих ученых в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования и научные учреждения государственных академий наук и государственные научные центры Российской Федерации. (Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет). Договор № 14.A12.31.0004 от 26.06.2013 г.

Vladimir Babintzev, a professor at Ural Federal University, well-known for translating numerous French, scholarly works into Russian (Jacques Le Hôffe and Emmanuel Le Roy Ladurie among others), will offer a new translation. This new translation will be of a primary source, instead of a scholarly work: i.e., the 1st volume of Russian Diary written by Pierre Pascal, a member of French military mission in Russia during the First World War. In a talk with Konstantin Bugrov, a researcher in the laboratory for studying primary sources at Ural Federal University, Babintzev discusses different aspects of Pascal's diary, the 1st volume of which covers years 1916 and 1917. What did Pierre Pascal think of war, discipline and revolution? What was his interest in religion and in the 'mysterious Russian soul': a riddle he sought to solve for 17 years, until he left the Soviet Union for France in 1933. And although he gained a reputation for being a 'leftist' in France, the 1st volume of his Russian Diary deals much more with religion and national identity. Indeed Vladimir Soloviev is mentioned much more often than Vladimir Lenin. All these aspects surely make this a pioneering translation of Pascal's work, which will attract the interest of a broad range of Russian readers.

Keywords: Pierre Pascal; revolution in Russia; The First World War; Vladimir Solovyov; national identity.

Константин Бугров: Сегодня нам предстоит беседа об интереснейшем переводе на русский язык интереснейшего источника (я не оговорился – и перевод, и источник действительно интересны в превосходной степени) по истории России на переломе 1916–1918 гг. Это «Русский дневник» Пьера Паскаля – специалиста французской военной миссии в России, после революции задержавшегося в республике Советов на десяток лет, а затем вернувшегося во Францию и ставшего одним из виднейших французских русистов.

Ученый? Военный? Мыслитель? Я очень консервативно охарактеризовал «Дневник» как источник по истории России. С такой же легкостью можно его считать источником по истории... в России – истории француза в России, европейца в России, верующего католика в России на крутом повороте в судьбе страны. А еще я бы сказал, что «Дневник» – это отличный источник по истории парадоксов; исторической науке, которая еще вчера была озабочена в основном «железными закономерностями», неплохо было бы открыть сегодня и такое направление.

Предваряя беседу, необходимо сделать небольшой экскурс. Владимир Алексеевич Бабинцев – доцент кафедры новой и новейшей истории Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета, научный сотрудник вновь созданной лаборатории эдиционной археографии ИГНИ УрФУ, переводчик-исследователь. Именно в переводе Владимира Бабинцева русский читатель познакомился за последнее десятилетие с классикой французской исторической мысли второй половины XX в.: «Монтайю» Эммануэля ле Руа Ладюри, с «Другим Средневековьем» Жака ле Гоффа, с «Цивилизацией классической Европы» Пьера Шоню...

Pierre Pascal, Moscou, 19 juin 1921.

Владимир Алексеевич, как полагается историкам, предлагаю начать с истории. Почему вы выбрали именно Пьера Паскаля? Почему именно «Русский дневник»? У вашего выбора есть, я думаю, собственная история?..

Владимир Бабинцев: Ситуации выбора не было. Было открытие. В годы горбачевской «перестройки», когда разворачивалось переосмысление советского периода отечественной истории, меня заинтересовал феномен западного «попутничества» большевизму. Принципиально важным представлялось понять причины временного соприкосновения с траекторией большевизма человеческих траекторий, практически и теоретически с ним несовместимых.

Например, в эволюции левого интеллектуала Виктора Сержа (В. Л. Кибальчича) от анархизма к большевизму и к разрыву с ним

через троцкизм не было ничего парадоксального. Парадоксальным выглядело «попутничество» его свояка – они были женаты на сестрах Русаковых – Пьера Паскаля (1890–1983), человека консервативных взглядов, глубоко верующего католика. В отличие от В. Сержа его не назовешь политическим деятелем. Пьер Паскаль вошел в анналы прежде всего как ученый, корифей французской славистики, автор классического перевода на французский язык памятника русской литературы XVII в. «Житие протопопа Аввакума» и нестареющей монографии «Аввакум и начала раскола» (1938). Этот труд с гигантским опозданием (2011) вышел на русском языке в московском издательстве «Знак» под спорным заглавием «Протопоп Аввакум и начало раскола». Стоит ознакомиться с предисловием Паскаля, чтобы понять авторский замысел и степень некорректности смены множественного числа на единственное число в русском переводе заглавия. Паскаля интересовали именно *начала*: истоки, причины, факторы церковного раскола, а не его событийная история, отмеченная переходом раскола после знаменитого Собора 1666 г. из процесса в состояние...

Впрочем, мы отклоняемся от поставленного вопроса. Итак, произошло открытие личности Паскаля и знакомство с швейцарским изданием его «Русского дневника 1916–1918» (1975). Это издание не подавалось как первый том (позднее в том же издательстве L'Age d'Homme выйдут три следующих тома – в 1977 и 1982 гг.). Книга показалась мне настолько интересной, что я потратил четверть века, добиваясь издания «Русского дневника» на русском языке. И только в этом году, благодаря созданию лаборатории эдиционной археографии Института гуманитарных наук и искусств УрФУ в рамках мегапроекта под руководством профессора Мари-Пьер Рей, дело сдвинулось с мертвой точки.

Константин Бугров: А что собой представляет «Русский дневник» в жанровом отношении? Мы и впрямь можем считать его дневником? Или это все-таки «дневник», который на самом деле готовился к публикации и, таким образом, является в большей степени публицистическим сочинением?

Нельзя, конечно, сказать, что Пьер Паскаль стоит в одном ряду, например, с маркизом де Кюстином или Гербертом Уэллсом, которые создали публицистические сочинения по итогам своих визитов в Россию, но ведь это все-таки не совсем дневник? Там есть обширные авторские отступления, а в целом ряде мест автор с удовольствием распространяется о специфических свойствах «русского характера». Ваше мнение?

Владимир Бабинцев: Да, ваши соображения относительно неоднозначности самого жанра дневника абсолютно справедливы. У вышеупомянутого В. Сержа под титулом «Записные книжки» (1985) вышло сочинение в квазидневниковой форме, с указанием дня, месяца и года записи. Но при этом в дневник были занесены не текущие впечатления и сведения, а реминисценции, отделенные от дня фиксации порой десятком лет. Конечно, темой исследования могло бы стать выяснение того, что именно в тот или иной день побудило вспомнить прошлое, но это уже не документ эпохи, не дневник, а скорее сочинение мемуарного характера. Да, в форме дневника могут обнаруживаться сочинения публицистические, которые издавались постфактум после соответствующей обработки. Возможно искажение документов эпохи, если они намеренно готовились с прицелом на будущую публикацию.

Мне довелось как-то уехать работать в далекую экзотическую страну. Письма одного хорошего коллеги, вполне адекватного и прекрасно владеющего словом, вдруг сделались чудовищно глубокомысленными и манерными. На мой вопрос: «Что с тобой?» – он с обезоруживающей искренностью ответил: «Это на случай издания потомками нашего эпистолярного наследия»...

Паскаль начал вести свой «Русский дневник» «для себя», будучи молодым 25-летним лейтенантом, оказавшимся в России в 1916 г. в составе французской военной миссии. Он не страдал тогда ни манией величия, ни упованиями на будущую публикацию. Он просто стремился понять страну пребывания, проникнуть в тонкости души ее народа, разобраться в текущих событиях и зафиксировать все это для памяти. Опыт пребывания в России (1916–1933) оказался настолько неоднозначным, что Паскаль около полувека не касался своих русских записок и вообще не любил говорить на тему своего «попутничества» большевизму. Можно предполагать, что в первой половине 70-х гг. XX в. решение заняться публикацией «Русского дневника» стимулировали два фактора: интеллектуальный толчок «красного мая» 1968 г., побуждавший поделиться личным опытом

осмысления причин и следствий радикальных разрывов в истории XX в., а также присутствие в окружении Пьера Паскаля (к тому времени уже профессора Сорбонны) Антуанетты Коклен – ей он посвятил издание «Русского дневника» 1975 г. Она была единственной, способной расшифровать тронутую временем скоропись Мастера, не случайно после ее смерти издание дневников пресеклось на 1927 г.

Вы говорите: «Не совсем дневник»? Не соглашусь. «Русский дневник» Паскаля – это полное и честное («тогда я думал так, но не стыжусь») воспроизведение записей. Хороший издательский прием: курсивом выделены не дневниковые дополнения: газетные вырезки того времени, письма родных и духовно близких людей. В целом, это великолепно организованное издание документа эпохи личного происхождения.

Константин Бугров: Как мне кажется, сегодня мы не испытываем недостатка в источниках личного происхождения о последних годах императорской России и первых шагах России советской. Ясно, что любой исторический источник обладает самодовлеющей ценностью, и все же – чем выделяется Пьер Паскаль на фоне многочисленных записок и мемуаров об этом времени? Верно ли сказать, что интерес запискам придает главным образом колоритная личность их автора? (Субъективное, быть может, мнение, но – представьте дневник Николая II в ситуации, когда мы не знали бы ничего о его авторе; какой будет его ценность?..) Или, если стереть имя автора с обложки, книга будет сохранять свою специфическую ценность – но тогда в чем она?

Владимир Бабинцев: Готов согласиться, что на фоне катастрофической нехватки свидетельств участников Ливонской войны и Куликовской битвы последние дни Российской империи и утверждение советской власти выглядят достаточно обеспеченными мемуарными источниками. Но когда речь идет об источниковой базе исторического исследования, то принципиально важна не видимость достаточности, а максимальная полнота привлечения всех возможных источников.

К тому же «Русский дневник» Паскаля это не мемуары, это документ эпохи, в которой он день за днем создавался. Мемуарист, восстанавливая свои впечатления по прошествии времени, подвержен прихотливым абберациям памяти и наслоению полученных позднее сведений. Сослуживец Паскаля по Французской военной миссии Анри Оливари оставил мемуары «Командировка французского криптолога в Россию. 1916». Если без должной критичности принять описание его первой встречи с нашим лейтенантом на борту идущего вокруг Скандинавии французского крейсера «Шампань», то можно только поразиться проницательности подполковника Оливари: он сразу разглядел в Паскале будущего изменника, который перейдет на сторону большевиков

(оба тогда, в апреле 1916 г., про большевиков ничего не слыхали!), он не упустил случая поиронизировать над недалеким начальством, которое доверяет такой личности – анархист и глубоко верующий католик, а потому из самой опасной по причине искренности категории – руководство французской пропагандой в России. Но лейтенант Паскаль – и это беспристрастно подтверждают фонды Французской военной миссии, хранящиеся в архиве Министерства обороны Франции, – направлялся в Россию в качестве сотрудника вспомогательного отдела 2-го бюро миссии с конкретной задачей: обеспечивать дипломатическую переписку с Бухарестом. Только в июне 1916 г. де Шевии, которому МИД поручил заниматься в Петрограде «пропагандой», затребовал в помощники лейтенанта Паскаля. Можно ли поверить в то, что подполковник Оливари разглядел все это, приметив на борту «Шампани» в группе резерва переводчиков молодецкого офицера «с туманным взором и в большом пенсне»?

Я бы вовсе не советовал объединять дневники и мемуары в одну группу источников. «Русский дневник» Паскаля – это источник для исследований историко-антропологических, для исследований по интеллектуальной и ментальной истории. Записи Паскаля не так много способны добавить к накопленным на сегодняшний день знаниям о событийной истории периода, о политических и стратегических замыслах сторон, о крупных акторах эпохи. Особняком, разумеется, стоит тема деятельности французской военной миссии в России.

Зато они бесценны, когда сквозь них улавливаются ментальные сдвиги в толще народных масс, когда прослеживается интеллектуальная эволюция автора, свидетеля эпохи. Было бы крайне интересно дополнить это просопографическим исследованием отношения к событиям в России, допустим, «нормальенов» – выпускников Эколь Нормаль – и «политехников», окончивших Эколь Политехник. И те, и другие были представлены в различных французских представительствах в России, но события войны и революции воспринимали по-разному.

Историко-антропологический подход исключает саму идею стереть имя автора с обложки. Это же не статистический сборник!

«Приемлемое перестает быть приемлемым»

Константин Бугров: Честно говоря, когда я читал Паскаля, у меня не возникло ощущения, что пишет военный и посреди самой ужасной войны, которую до этого знало человечество. Есть некоторое количество упоминаний об ужасах войны – я осмелюсь их назвать шаблонными... Что показалось мне более интересным, так это рефлексия Паскаля о военном положении на Восточном фронте. Он время от времени принимается рассуждать о боеспособности

русской армии и, в частности, о том, как революция влияет на эту боеспособность. Война – дисциплина – долг – бунт; тема того, как «приемлемое перестает быть приемлемым», является, на мой взгляд, одной из основных в дневнике Паскаля. Вот, например:

Полковник Лавернь понимает психологию революции как я. В прошлом году встретил он прапорщика 40 лет, образование высшее, и тот сообщил ему личный факт. Он командовал занятыми на тыловых работах рядовыми лет по 40 и старше, не имеющими никакой военной подготовки кроме непонятных сборов, вооруженных старыми винтовками. Однажды он получил приказ занять позицию на фронте в очень опасном секторе. Со всеми обычными предосторожностями он пришел объявить это своим «дядям». Они не возмутились. Спросили: «Артиллерия нас поддержит?» – «Нет, не могу вам этого обещать». – «Тогда пойдем с голыми руками». – «А ваши винтовки?» – «Ох, винтовки, их можно погрузить в телеги и отправить вперед нас к немцам». (Офицер был уже уверен, что они не умеют с ними обращаться.) Наконец они подытожили: «Ладно, раз надо, пойдем». У них было 50 % потерь, но позицию отстояли. Бились иной раз палками. Бытовало основанное на фактах ощущение, что пехота – это всего лишь пушечное мясо. Ощущение укоренилось. В один прекрасный день прозвучало: «Хватит!» и это кончилось. Вся накопившаяся злопамятность взорвалась, как только приемлемое перестало быть приемлемым.

К чему бы этот эпизод? На самом деле, Паскаль рассуждает о развале Восточного фронта, о дезертирстве и о том, как ситуация революции способна поддержать гибнущую дисциплину. Упомянутый выше случай подводит его к следующему развитию мысли:

Итак, сейчас происходит то же самое. Значит, надо снова вызывать, провоцировать подобный психологический разрыв: «Хватит». Применение смертной казни, такое, чтобы каждый дезертир знал, что он мертв, где бы он ни был, может вызвать подобную революцию в сознании. К несчастью, это необходимо. А прапорщик рассуждал, какая противоестественная вещь война, она требует принуждения, коллективного гипноза. Его брат, полковник, командует полком, принимал участие в восемнадцати рукопашных боях. Когда он спросил его о впечатлениях, тот схватился за голову руками, закрыл глаза и произнес: «Нет, не могу вспоминать». В сущности и в абсолюте, так ли уж неправ русский солдат?

Владимир Бабинцев: Стало быть, читая «Русский дневник» Пьера Паскаля, вы воспринимаете его вполне адекватно, и это неплохо рекомендует читателя. Действительно, мы имеем дело с записками не кадрового военного, «военной косточки»; не было у Паскаля специализированного военного образования. лейтенант Паскаль был

призывником военного времени, получившим опыт бойца передовой линии (Дарданеллы, 1915), но не утратившим рефлексию штатского интеллектуала. Чтобы прочувствовать разницу, достаточно обратиться к многочисленным публикациям записок кадровых офицеров Первой мировой войны, где за каждой записью чувствуется классическое: уяснить задачу, оценить обстановку, принять решение и обеспечить его выполнение...

Относительно вашего замечания о том, что в дневнике Паскаля маловато упоминаний об ужасах войны, а те, что есть, скорее представляют собой клише. Но это же общая черта ветеранов любой войны! Я понял это по своему отцу, его друзьям, моим преподавателям-фронтовикам: они не любили вспоминать, а тем более распространяться на эту тему. Не случайно Жан-Ноэль Жаннелей о своем учителе по Сорбонне Пьере Ренувене в «Размышлениях о столетии» (2013) вспоминает так: «На собственном теле он носил боли пережитой им войны – ампутация одной руки и пальцев другой, глуховатый голос травленного газом, – и тем не менее история, которую он нам преподавал прекрасно, концентрировалась на дипломатических процессах и действиях армий. Что касается непостижимых страданий бойцов, то об этом мы от него почти ничего не слышали».

Вы отмечаете, что вам более интересна рефлексия Паскаля о «военном положении России на Восточном фронте». Строго говоря, у него в «Русском дневнике» об этом практически ничего. Он побывал в войсках фронта как пропагандист... И вся его рефлексия скорее о моральном состоянии русских войск, о боеспособности в прямой связи с наметившимся в русском народе ментальным сдвигом по формуле «приемлемое становится неприемлемым». Кстати, фигура упомянутого полковника Лаверня и его роль во французской военной миссии в России 1916–1918 гг. заслуживают отдельного исследования.

«Бешеный баран» и загадочная русская душа

Константин Бугров: Война и дисциплина – это одна тема. Но в еще большей степени Паскаля – опять же, на мой взгляд, – волнует «русская душа». Ай да французский военный!

Так, например, в записи от 31 августа 1916 г. Паскаль перечисляет характерные «черты русского характера»:

Некоторые черты русского характера, которые делают его совершенно отличным от нашего:

Способность выпутаться, когда обстоятельства кажутся непреодолимыми и забавляться игрой с огнем.

Недостаток организаторского таланта.

Непокорность.

Любовь к неожиданным ситуациям (война на Кавказе; разведчики).
 Чрезвычайная скорость, когда работа нравится (Мурманская дорога, по сравнению с медленностью Канадской на северном участке).

Кочевничество: с завода в деревню и обратно.

Невероятное хладнокровие: и в наступлении, и в отступлении.

Но русский при внешнем спокойствии пылок: это энтузиаст кратковременных вспышек.

Повышенное внимание к деталям, равно как и к сути (качества снаряда хотят больше, чем количества...)

Начальник штаба все делает самолично...

Интерес к мелким любопытным находкам.

Боязнь дискуссии или противоречий: изображают согласие или вскипают, чтобы закрыть вопрос.

Далее, в записи от 27 октября 1917 г. есть фрагмент, озаглавленный «Русская душа глазами латинянина»; речь идет о выступлении Паскаля во Французском институте в Петрограде. Что же «латинянин» считает главными чертами «русской души»? Это «солидарность – вольнолюбие – стремление к абсолюту».

Паскаль их расшифровывает так:

СОЛИДАРНОСТЬ

«Соборы», образ святой множественности.

Непрерывные вереницы повозок на улицах Петрограда.

Поведение людей в очередях.

Голосование чохом, целым полком.

Вкус к артелям, кооперативам и их объединениям.

Обращения: «товарищ», «Ну, православные!»

В философии и религии теория «соборности» или единения всех верующих.

Чувство коллективной ответственности, как в момент отступления 1915 г.

Как следствие такого коллективного духа – недостаток гордости. Русский смирен; подозрителен к личностям, которые высовываются – русский народ демократичен; власть была наложена на него как крышка.

ВОЛЬНОЛЮБИЕ

Отвращение к строгому соблюдению правил, к подчинению, принуждению.

Важность, придаваемая отмене обязательного отдания воинской чести.

Русский не делает карьеру; он берется за многое одновременно и меняет профессии.

Беспечность к сбережениям и отвращение к расчету.

Пренебрежение логикой.

Презрение к тому, что традиционно.

Странствования и бродяжничество.

Как следствие такого характера, Россия подчиняется не столько закону, сколько влиянию того, кто сумеет победить ее недоверие.

Сентиментальный патриотизм без примеси национализма.

Религиозность без догматизма.

Интуитивная мораль без фиксированных правил.

Легкость разводов.

Обычай воздержания, перемежаемого пьянством.

Все эти проявления резюмируются словом «воля», что не равнозначно понятию «сила воли».

ТЯГА К АБСОЛЮТУ

Потребность по любому вопросу начинать от сотворения мира.

Полное воплощение принципов (напр. толстовская мораль).

Отвращение к смертной казни и войне.

Непонимание разницы между моралью индивидуальной и моралью государственной.

На Западе следуют максиме: «Своя рубашка ближе к телу». Русский душу отдаст ради спасения других.

В политике – большевизм.

В философии – малое значение, придаваемое объективной реальности.

В практической жизни любое средство становится нежелательным, если в нем вскрывается малейшее несовершенство.

Как следствие такой характерной черты, меланхолия и склонность к отчаянию, к моральной капитуляции; будучи не в силах достигнуть абсолютного блага, бросаются в абсолютное зло.

И, наконец, в заключение: ниже Паскаль передает слова одного из своих собеседников о русском человеке («товарище») во время революции: «Он добр, спокоен; но сейчас это бешеный баран».

Итак, «Русский дневник» – это поиск отгадок на загадки русской души? Или?..

Владимир Бабинцев: Действительно, для Пьера Паскаля на протяжении всей его жизни, начиная со школьных лет, когда он случайно попал в класс с изучением русского языка, было характерно стремление понять «русскую душу», русский характер, русский менталитет. С его выводами можно спорить. Мы редко принимаем все, что думают о нас другие. Хорошо уже то, что пытаются понять.

Не помню, кому принадлежат эти слова: «Никто не может вполне знать другого, можно только догадываться, если любишь». Паскаль любил Россию и русских. Поэтому разглядел очень многое. Честно говоря, следовало бы издать на русском языке его книги «Русская религия» (1975) и «Великие течения русской мысли» (2010).

«Революционный, потому что христианский»

Константин Бугров: Итак, Паскаля и впрямь интересовало, как для «русской души» возникает ситуация, в которой «приемлемое перестает быть приемлемым». А из его биографии мы знаем, что он испытывал симпатии к большевикам и прожил в Советской России до самого 1933 г.? Но при чтении дневника вовсе не видна какая бы то ни было «левизна» Паскаля. По крайней мере, российскими социалистами он вовсе не интересовался, и мы практически не встречаем имен лидеров российского социализма. Оборончество? Советы? Циммервальд? Я понимаю, что не все записки о войне и революции должны быть выдержаны в духе записок Н. Н. Суханова, но, как мне кажется, Паскаль и впрямь слабо разбирался в тонкостях «левого» движения последних лет императорской России. Вот деталь: в примечании к первому упоминанию И. Церетели он охарактеризовал его так: «Грузинский меньшевик, член 2-й Думы, министр почт и телеграфов». Как видим, характеристика игнорирует тот факт, что Церетели был еще и членом исполкома Петросовета, одним из наиболее видных его ораторов, и эта позиция – опять-таки, в парадигме «левых» текстов того времени – была куда более важной и значимой, чем второстепенное министерство.

Зато мы в обилии встречаем Розанова или Вл. Соловьева, а также – что еще более характерно – повторяющиеся, точные описания православных служб, которые посетил Паскаль. Не менее любопытно, что в предисловии к запискам Паскаль сам себя называл «последователем Боссюэ» (это особенно забавно, если учесть, что Боссюэ обычно ассоциируется с абсолютизмом). Как же Паскаль пришел к большевизму?

Сопровождая свою запись от 30 апреля 1918 г. примечанием о визите к «левым эсерам» (уточняя: «Я питал к ним слабость, они были за революцию, совсем как большевики, но без их материализма, напротив, с гуманизмом»), Паскаль упоминает о покупке томика Блока и заключает:

Для меня это был великий день. Я открыл Блока, отвечающего моим чувствам и мыслям: красногвардейцы, пусть недостойные и не желающие того, действующие ради Христа: союзники, взыскующие приобщения к миру скифов. Поэты со мной! В восторге я почти тотчас заучил наизусть обе поэмы.

Несколько ниже, говоря о пасхе 1918 г., описывая собрание в московской церкви, Паскаль отмечает:

Всё это святая Русь, самозабвенно устремленная в будущее (Блок был не прав, представляя Двенадцать, палящих в святую Русь). Один

солдат вполголоса окликает сослуживца, чтобы уйти вместе: «Товарищ!» Буржуазии, иной раз во имя религии хулящей большевиков, здесь нет: религия – для народа. А народ революционный, потому что христианский. Одни и те же солдаты отпраздновали первое мая, а теперь со свечками в руках поют псалмы.

Владимир Бабинцев: Вывод о радикальном сдвиге, который совершается в «русской душе» в ситуации, когда «приемлемое становится неприемлемым», – это одно из самых блестящих озарений Паскаля. В нем Паскаль видел объяснение отношения русского народа к Первой мировой войне и революции.

Ваша формула «симпатизировал большевизму» вполне допустима применительно к Паскалю с добавлением «одно время». Паскаль, даже будучи какое-то время членом большевистской партии, так и остался только «попутчиком». Это бросается в глаза. Ученик Паскаля Жорж Нива в своем «Возвращении в Европу», оценивая мировоззренческую позицию своего учителя как «христианского большевика» – марксистом он был и, в известном смысле, остался, – тут же, фактически, опровергает ее следующей репликой самого Паскаля: «Марксизм состоит из двух частей. К экономической части у меня серьезных возражений нет, я просто считаю ее спорной. Есть и философская часть, материализм – с ним я не согласен совершенно». Можно ли заподозрить в большевизме человека, способного на такое признание?

В записях 1916–1918 гг. у Паскаля действительно невозможно обнаружить никаких признаков «левизны». Том завершается поразительной сценой: организатор выезда французской военной миссии из России майор Шапуи 22 октября 1918 г. ставит перед лейтенантом Паскалем вопрос об отъезде во Францию ребром, демонстративно выложив на стол револьвер. «Не знаю, – пишет Паскаль, – что бы я ответил, не будь подобной попытки запугать... Но этого оказалось достаточно, чтобы исключить мои малейшие колебания. Я сказал: Нет!» Но в голове у Паскаля – он отметил это во втором томе «Русского дневника» – была тогда, по выражению Ленина, «хорошенькая каша». Много позже, в 1953 г. («Русская мысль», 05.06.1953), он сделает четкое признание: «С советской властью можно было мириться вначале».

Константин Бугров: «Революционный, потому что христианский», – определение не то чтобы сногшибательное (мне вообще сложно представить себе какое-то определение революционных событий, которое сегодня могло бы удивить читателя), но уж точно примечательное.

Итак, неужели Паскаль считал русскую революцию своеобразным триумфом русской духовности? А если так, постигло ли его разочарование – и выплеснулось ли оно на страницы последующих томов «Записок»?

Владимир Бабинцев: Не могу согласиться с формулой осознания Паскалем русской революции как уникального проявления «русской души». Скорее, он считал, что Октябрьская революция была предъявлена «русской душе». «Она была делом активного меньшинства при молчаливом согласии большинства», – писал он 30 мая 1920 г. в письме Марселю Мартине (т. 2, с. 163).

Паскаль принял революцию вместе с «молчаливо согласным большинством», которое связывало с новой властью свои разнообразные и достаточно туманные ожидания. Китеж-града в конечном счете не обрели ни «молчаливо согласное большинство», ни Пьер Паскаль. С ним в душе и уехал в 1933 г. в Париж Петр Карлович Паскаль, «не возвращаясь в Европу», оставив русский народ с большевистской властью в ожидании ситуации, когда «приемлемое становится неприемлемым».

Владимир Алексеевич Бабинцев,
к. и. н.
Россия, Екатеринбург
Уральский федеральный университет
hist@usu.ru

Vladimir Babintzev, dr.
Russia, Yekaterinburg,
Ural Federal University
hist@usu.ru

Константин Дмитриевич Бугров,
к. и. н.
Россия, Екатеринбург
Уральский федеральный университет
k.d.bugrov@gmail.com

Konstantin Bugrov, dr.
Russia, Yekaterinburg,
Ural Federal University
k.d.bugrov@gmail.com